

ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ

ЛАДОМИР

- [ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ](#)
 - [ЛАДОМИР](#)
 - [НОЧЬ ПЕРЕД СОВЕТАМИ](#)
 - [НАСТОЯЩЕЕ](#)
 - [ТРУБА ГУЛЬ-МУЛЫ](#)
 - [БЕРЕГ НЕВОЛЬНИКОВ](#)
 - [УСТРУГ РАЗИНА](#)
 - [ПРИМЕЧАНИЯ](#)
-

ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ
ЛАДОМИР
Поэмы

ЛАДОМИР

И замки мирового торга,
Где бедности сияют цепи,
С лицом злорадства и восторга
Ты обратишь однажды в пепел.
Кто изнемог в старинных спорах
И чей застенок там, на звездах,
Неси в руке гремучий порох —
Зови дворец взлететь на воздух.
И если в зареве пламен
Уж потонул клуб дыма сизого,
С рукой в крови взамен знамен
Бросай судьбе перчатку вызова.
И если меток был костер
И взвился парус дыма синего,
Шагай в пылающий шатер,
Огонь за пазухою — вынь его.
И где ночуют барыши,
В чехле стекла, где царский замок,
Приёмы взрыва хороши
И даже козни умных самок.

Когда сам бог на цепь похож,
Холоп богатых, где твой нож?
О девушка, души косой
Убийцу юности в часы свидания
За то, что девою босой
Ты у него молила подаяния.
Иди кошачьею походкой,
От нежной полночи чиста.
Больная, поцелуй чахоткой
Его в веселые уста.
И ежели в руке желез нет —

Иди к цепному псу,
Целуй его слюну,
Целуй врага, пока он не исчезнет.
Холоп богатых, улю-лю,
Тебя дразнила нищета,
Ты полз, как нищий, к королю
И целовал его уста.
Высокой раною боля,
Снимая с зарева засов,
Хватай за ус созвездье Водолея,
Бей по плечу созвездье Псов!
И пусть пространство Лобачевского
Летит с знамен ночного Невского.
Это шествуют творяне,
Заменявши Д на Т,
Ладомира соборяне
С Трудомиром на шесте.
Это Разина мятеж,
Долетев до неба Невского,
Увлекает и чертеж
И пространство Лобачевского.
Пусть Лобачевского кривые
Украсят города
Дугою над рабочей выей
Всемирного труда.

И будет молния рыдать,
Что вечно носится слугой,
И будет некому продать
Мешок от золота тугой.
Смерть смерти будет ведать сроки,
Когда вернется он опять,
Земли повторные пророки
Из всех писем изгонят ять.
В день смерти зим и раннею весной
Нам руку подали венгерцы.

Свой замок цен, рабочий, строй
Из камней ударов сердца.
И, чокаясь с созвездьем Девы,
Он вспомнит умные напевы
И голос древних силачей,
И выйдет к говору мечей.
И будет липа посылать
Своих послов в совет верховный,
И будет некому желать
Событий радости греховной.
И пусть мещанскою резьбою
Дворцов гордились короли,
Как часто вывеской разбою
Святых служили костыли.
Когда сам бог на цепь похож,
Холоп богатых, где твой нож?
Вперед, колодники земли,
Вперед, добыча голодовки.
Кто трудится в пыли,
А урожай снимает ловкий.
Вперед, колодники земли,
Вперед, свобода голодать,
А вам, продажи короли,
Глаза оставлены — рыдать.

Туда, к мировому здоровью,
Наполнимте солнцем глаголы,
Перуном плывут по Днепровью,
Как падшие боги, престолы.
Лети, созвездье человечье,
Всё дальше, далее в простор,
И перелей земли наречья
В единый смертных разговор.
Где роем звезд расстрел небес,
Как грудь последнего Романова,
Бродяга дум и друг повес

Перекует созвездье заново.
И будто перстни обручальные
Последних королей и плахи,
Носитесь в воздухе, печальные
Раклы, безумцы и галахи.
Учебников нам скучен щебет,
Что лебедь черный жил на юге,
Но с алыми крылами лебедь
Летит из волн свинцовой вьюги.
Цари, ваша песенка спета.
Помолвлено лобное место.
И таинство воинства — это
В багровом слетает невеста.
И пусть последние цари,
Улыбкой поборая гнев,
Над заревом могил зари
Стоят, окаменев.
Ты дал созвездию крыло,
Чтоб в небе мчались пехотинцы.
Ты разорвал времен русло
И королей пленил в зверинцы.
И он сидит, король-последыш,
За четкою железною решеткой,
Оравы обезьян соседыш,
И яда дум испивши водки.
Вы утонули в синей дымке,
Престолы, славы и почет.

И, дочь думы-невидимки,
Слеза последняя течет.
Столицы взвились на дыбы,
Огромив копытами доли,
Живые шествуют — дабы
На приступ на престолы.
Море вспомнит и расскажет
Грозным своим плаголом —

Замок кружев девой нажит,
Пляской девы пред престолом.
Море вспомнит и расскажет
Грозовым своим раскатом,
Что дворец был пляской нажит
Перед ста народов катом.
С резьбою кружев известняк
Дворца подруги их величий.
Теперь плясуньи особняк
В набат умов бросает кличи.
Ты помнишь час ночной грозы,
Ты шел по запаху врага,
Тебе кричало небо «взы!»
И выло с бешенством в рога.
И по небу почерк палаческий,
Опять громовые удары,
И кто-то блаженно-дураческий
Смотрел на земные пожары.
Упало Гэ Германии.
И русских Эр упало.
И вижу Эль в тумане я
Пожара в ночь Купала.
Смычок над тучей подыми,
Над скрипкою земного шара,
И черным именем клейми
Пожарных умного пожара.

В. Татлин. «Матрос». Фрагмент.

Ведь царь лишь попрошайка
И бедный родственник король,—
Вперед, свободы шайка,
И падай, молот воль!
Ты будешь пушечное мясо
И струпным трупом войн — пока
На волны мирового пляса
Не ляжет ветер гопака.
Ты слышишь: умер «хох»,
«Ура» умолкло и «банзай»,—
Туда, где красен бог,
Свой гнева стон вонзай.
И умный череп Гайаваты
Украсит голову Монблана —
Его земля не виновата,
Войдет в уделы Людостана.
И к онсам мчатся вальпарайсы,
К ондурам бросились рубли.
А ты, безумец, постарайся,
Чтоб острый нож лежал в крови.
Это ненависти ныне вести,

Их собою окровавь,
Вам былых столетий сети,
В море дум бросайся вплавь.
И опять заиграй, заря,
И зови за свободой полки,
Если снова железного кайзера
Люди выйдут железом реки.
Где Волга скажет «лю»,
Янцекяннг промолвит «блю»,
И Миссисипи скажет «весь»,
Старик Дунай промолвит «мир»,
И воды Ганга скажут «я»,
Очертит зелени края
Речной кумир.
Всегда, навсегда, там и здесь,

Всем все, всегда и везде,—
Наш клич пролетит по звезде!
Язык любви над миром носится,
И Песня песней в небо просится.
Морей пространства голубые
В себя заглянут, как в глазницы,
И в чертежах прочту судьбы я,
Как блещут алые зарницы.
Вам войны выклевали очи,
Идите, смутные слепцы,
Таких просите полномочий,
Чтоб дико радовались отцы.
Я видел поезда слепцов,
К родным протянутые руки,
Дела купцов — всегда скупцов —
Порока грязного поруки.
Вам войны оторвали ноги —
В Сибири много костылей,—
И, может быть, пособят боги
Пересекать простор полей.

Гуляйте ночью, костяки,
В стеклянных просеках дворцов,
И пусть чеканят остряки
Остроты звоном мертвецов.
В последний раз над градом Круппа,
Костями мертвых войск шурша,
Носилась золотого трупа
Везде проклятая душа.
Ты населил собой остроги,
Из поручней шагам созвучие,
Но полно дыма и тревоги,
Где небоскреб соседит с тучею.
Железных кайзеров полки
Покрылись толстым слоем пыли.
Былого пальцы в кадыки
Впились судорогою были.

Но, струны зная грыж,
Одев рубахой язву,
Ты знаешь страшный наигрыш,
Твой стон — мученья разве?..
И то впервые на земле:
Лоб Разина резьбы Коненкова,
Священной книгой на Кремле,
И не боится дня Шевченко.
Свободы воин и босяк.
Ты видишь, пробежал табун?
То буйных воль косяк,
Ломающих чугуны.
Колено ставь на грудь.
Будь сильным как-нибудь.
И ветер чугунных осп иди
Под шепоты «господи, господи».
И древние болячки от оков
Ты указал ночному богу —
Ищи получше дураков! —

И небу указал дорогу.
Рукой земли зажаты рты
Закопанных ядром.
Неси на храмы клеветы
Ветер пылающих хором.
Кого за горло душит золото
Неумолимым кулаком,
Он, проклиная силой молота,
С глаголом молнии знаком.
Панов не возит шестерик
Согнувших голову коней,
Пылает целый материк
Звездой, пламени красней.
И вы, свободы образа!
Кругом венки ресницы тайн,
Блестят громадные глаза
Гурриэт-эль-Айн.

И изречения Дзонкавы
Смешает с чистою росой,
Срывая лепестки купавы,
Славянка с русою косою.
Где битвы алое говядо
Еще дымилось от расстрела,
Идет свобода Неувяда,
Поднявши стяг рукою смело.
И небоскребы тонут в дыме
Божественного взрыва,
И объят кольцами седыми
Дворец продажи и наживы.
Он, город, что оглоблю бога
Сейчас сломал о поворот,
Спокойно стал, едва тревога
Его волнует конский рот.
Он, город, старой правдой горд
И красотою смеха сила —

В глаза небеснейшей из морд
Жует железные удила;
Всегда жестокий и печальный,
Широкой бритвой горло нежь! —
Из всей небесной готовальни
Ты взял восстания мятеж,
И он падет на наковальню,
Под молот — божеский чертеж.
Ты божество сковал в подковы,
Чтобы верней служил тебе,
И бросил меткие оковы
На вороной хребет небес.
Свой конский череп человека,
Его опутав умной гривой,
Глаза белилами калеча,
Он, меловой, зажег огниво.
Кто всадник и кто конь?
Он город или бог?

Но хочет скачки и погонь
Набатный топот его ног.
Туда, туда, где Изанаги
Читала «Моногатори» Перуну,
А Эрот сел на колени Шангти,
И седой хохол на лысой голове
Бога походит на снег,
Где Амур целует Маа-Эму,
А Тиэн беседует с Индрой,
Где Юнона с Цинтекуатлем
Смотрят Корреджио
И восхищены Мурильо,
Где Ункулункулу и Тор
Играют мирно в шашки,
Облокотись на руку,
И Хоккусаем восхищена
Астартта, — туда, туда!

Как филинов кровавый ряд,
Дворцы высокие горят.
И где труду так вольно ходится
И бьет руду мятежный кий,
Блестят, мятежно плубоки,
Глаза чугунной богородицы.
Опять волы мычат в пещере,
И козье вымя пьет младенец,
И идут люди, идут звери
На богороды современниц.
Я вижу конские свободы
И равноправие коров,
Былиной снов сольются годы,
С глаз человека спал засов.
Кто знал — нет зарева умней,
Чем в синеве пожара конского,
Он приютит посла коней
В Остоженке, в особняке Волконского.
И вновь суровые раскольники

Покроют морем Ледовитым
Лица ночные треугольники
Свободы, звездами закрытой.
От месяца «Ая» до недель «играй овраги»
Целый год для нас страда,
А говорят, что боги благи,
Что нет без отдыха труда.
До зари вдвоем с женой
Ты вязал за снопом сноп.
Что ж сказал господь ржаной?
«Благодарствую, холоп».
И от посева до ожина,
До первой снеговой тропы,
Серпами белая дружина
Вязала тяжкие снопы.
Веревкою обмотан барина,

Священников целуемый бичом,
Дыши как вол — пока испарина
Не обожжет тебе плечо,
И жуй зеленую краюху,
Жестокий хлеб, который дён?
Пока рукой земного руха
Не будешь ты освобожден.
И песней веселого яда
Наполни свободы ковши,
Свобода идет Неувяда
Пожаром вселенской души.
Это будут из времени латы
На груди мирового труда
И числу, в понимании хаты,
Передастся правительств узда.
Это будет последняя драка
Раба голодного с рублем,
Славься, дружба пшеничного злака
В рабочей руке с молотком!
И пусть моровые чернила

Покроют листы бытия,
Дыханье судьбы изменило
Одежды свободной края.
И он вспорхнет, красивый угол
Земного паруса труда,
Ты полетишь, бессмертно смугол,
Священный юноша, туда.
Осада золотой чумы.
Сюда, глазниц небесных воры,
Умейте, лучшие умы,
Намордники одеть на моры!
И пусть лепечет звонко птаха
О синем воздухе весны.
Тебя низринет завтра плаха
В зачеловеческие сны,

Это у смерти утесов
Прибой человечества.
У великороссов
Нет больше отечества.
Где Лондон торг ведет с Китаем,
Высокомерные дворцы,
Панамою надвинув тучу, их пепла не считаем,
Грядущего творцы.
Так мало мы утратили,
Идя восстания тропой,—
Земного шара председатели
Шагают дерзкою толпой.
Тринадцать лет хранили бюджетляне
За пазухой, в глазах и взорах,
В Красной уединясь Поляне,
Дней Носаря зажженный порох.
Держатель знамени свобод,
Уздой правящий ездой,
В нечеловеческий поход
Лети дорогой голубой.
И, похоронив времен останки,

Свободу пей из звездного стакана,
Чтоб громыхал по солнечной болванке
Соборный молот великана.
Ты прикрепíš к созвездью парус,
Чтобы сильнее и мятежнее
Земля неслась в надмирный ярус
И птица звезд осталась прежнею.
Сметя с лица земли торговлю
И замки торго́ бросив ниц.
Из звездных глыб построишь кровлю —
Стеклянный колокол столиц.
Решеткою зеркальных окон
Ты синих зарев неясить,
И ты прядешь из шелка кокон,

Полеты — гусеницы нить.
И в землю бьют, как колокола,
Ночные звуки — великаны,
Когда их бросят зеркала
И сеть столиц раскинет станы.
Где гребнем облаков в ночном цвету
Расчесано полей руно,
Там птицы ловят на лету
Летящее с небес зерно.
Весною ранней облака
Пересекал полетов знахарь,
И живо сеяла рука,
На облаках качался пахарь.
Как узел облачный, идут гужи,
— Руна земного бороны,
Они возрастут, колосья ржи,
Их холят неба табуны.
Он не просил: «Будь добр, бози, ми,
И урожай густой роди!»
Но уравниеньям вверил озими
И нес ряд чисел на груди.
А там муку съедобной глины

Перетирали жерновами
Крутых холмов ночные млины,
Маша усталыми крылами.
И речи знания в молнийном теле
Гласились юношам веселым,
Учебники по воздуху летели
В училища по селам.
За ливнями ржаных семян ищи
Того, кто пересек восток,
Где поезд вез на север щи,
Озер съедобный кипяток.
Где удочка лежала барина
И барчуки катились в лодке,

Для рта столиц волна зажарена,
И чад идет озерной водки.
Озерных щей ночные паровозы
Везут тяжелые сосуды,
Их в глыбы синие скуют морозы
И принесут к глазницам люда.
Вот море, окруженное в чехол
Холмообразного стекла.
Дыма тяжелого хохол
Висит чуприной божества.
Где бросала тень постройка
И дворец морей готов,
Замок вод возила тройка
Море вспенивших китов.
Зеркальная пустыня облаков,
Озеродей летать силен.
Баян восстания письмен
Засеял нивами станков.
Те юноши, что клятву дали
Разрушить языки,—
Их имена вы угадали —
Идут увенчаны в венки.
И в дерзко брошенной овчине
Проходишь ты, буен и смел,
Чтобы зажечь костер почина
Земного быта перемен.

П. Филонов. «Формула петроградского пролетариата». Фрагмент.

Дорогу путника любя,
Он взял ряд чисел, точно палку,
И, корень взяв из нет себя,
Заметил зорко в нем русалку.
Того, что ничего нема,
Он находил двуличный корень,
Чтоб увидеть в стране ума
Русалку у кокорин.
Где сквозь далеких звезд кокошник
Горят Печоры жемчуга,
Туда иди, небес помощник,
Великий силой рычага.
Мы в ведрах пронесем Неву
Тушить пожар созвездья Псов,
Пусть поезд копотью прорежет синеву,
Взлетая по сетям лесов.
Пусть небо ходит ходуном
От тяжелой поступи твоей,
Скрепи созвездие бревном
И дол решеткою осей.
Как муравей, ползи по небу,

Исследуй его трещины
И, голубой бродяга, требуй
Те блага, что тебе обещаны.
Балды, кувалды и кияры
Жестокой силой рычага
В созвездьях ночи воздвигал
Потомок полуночной бури.
Поставив к небу лестницы,
Надень шишак пожарного,
Взойдешь на стены месяца
В дыму огня угарного.
Надень на небо молоток,

То солнце на два поверни,
Где в красном зареве Восток,
Крути колеса шестерни.
Часы меняя на часы,
Платя улыбкою за ужин,
Удары сердца на весы
Кладешь, где счет работы нужен.
И зоркие соблазны выгоды,
Неравенство и горы денег —
Могучий двигатель в лони годы —
Заменит песней современник.
И властный озарит гудок
Великой пустыни молчания,
И поезд, проворный ходок,
Исчезнет, созвездья венчаннее. —
Построив из земли катушку,
Где только проволока гроз,
Ты славишь милую пастушку
У ручейка и у стрекоз.
И будут знаки уравниенья
Между работами и ленью,
Умершей власти, без сомненья,
Священный жезел вверен пенью.

И лень и мать вдохновенья,
Равновеликая с трудом,
С нездешней силой упоенья
Возьмет в ладонь державный лом.
И твой полет вперед всегда
Повторят позже ног скупцы.
И время громкого суда
Узнают истины купцы.
Шагай по морю клеветы.
Пружинь шаги своей пяты!
В чугунной скорлупе орленок
Летит багровыми крылами,
Кого недавно, как теленок,
Лизал, как спичечное пламя.
Черти не мелом, а любовью
Того, что будет, чертежи.
И рок, слетевший к изголовью,
Наклонит умный колос ржи.

22 мая 1920

* * *

НОЧЬ ПЕРЕД СОВЕТАМИ

1

Сумрак серый, сумрак серый,
Образ — дедушки подарок.
Огарок скатерть серую закапал.
Кто-то мешком упал на кровать,
Усталый до смерти, без меры,
В белых волосах, дико всклокоченных,
Видна на подушке большая седая голова.
Одеяла тепло падает на пол.
Воздух скучен и жуток.
Некто притаился,
Кто-то ждет добычи.
Здесь не будет шуток,
Древней мести кличи!
И туда вошло
Видение зловещее.
Согнуто крючком,
Одето, как нищяя,
Хитрая смотрит,
Смотрит хитрая!
«Только пыли вытру я.
Тряпки-то нет!»
Время! Скажи! Сколько старухе
Минуло лет?
В зеркало смотрится — гробы.
Но зачем эти морщины злобы?
Встала над постелью
С образком девичьим,
Точно над добычей
Стоит и молчит.
«Барыня, а барыня!» —

«Что тебе? Ключи?»
Лоб большой и широкий,
В глазах голубые лучи,
И на виски волосы белые дико упали,
Красивый своей мощью лоб окружая, обвивая.
«Барыня, а барыня!» —
«Ну что тебе?» —
«Вас завтра повесят!
Повисишь ты, белая».
Раненым зверем вскочила с кровати.
«Ты с ума сходишь? что с тобой делается?
Тебе надо лечиться». —
«Я за мукой пришла, мучицы...
Буду делать лепешки.
А времени, чай, будет скоро десять.
Дай барыню разбужу». —
«Иди спать! Уходи спать ложиться!
Это ведьма, а не старуха.
Я барину скажу!
Я устала, ну что это такое.
Житья от нее нет,
Нет от нее покоя».
Опустилась на локоть, и град слез побежал,
«Пора спать ложиться!»
Радостный хохот
В лице пробежал,
Темные глазки сделались сладки.
«Это так... Это верно... кровь у меня мужичья.
В Смольном не была,
А держала вилы да веник...
Ходила да смотрела за кобылами.
Барыня, на завтра мне выдайте денег.
Барыня, вас завтра
Наверно повесят...»
Шепот зловещий
Стоит над кроватью
Птицею мести далеких полей.

Вся темнота крови засохшей цвета.
И тихо уходит,
Неясно шамкая:
«На скотном дворе работала
Да у разных господ пыль выметала,
Так и умру я,
Слягу в могилу
Окаянную хамкою».

В Смольном девицей была, белый носила
передник.
И на доске золотой имя записано: первую шла.
И с государем раза два или три, тогда был
наследник,
На балу плясала в общей паре.
После сестрой милосердия спасала больных
В предсмертном паре, в огне,
В русско-турецкой войне.
Ходила за ранеными, дать им немного ласки
и нег.
Терпеливой смерти призрак, исчезни!
И заболела брюшною болезнью,
Лежала в бреду и жажде.
Ссылным потом помогала, сделалась красной,
Была раз на собраньи прославленной «Воли
Народной» — опасно как!
На котором все участники позже
Каждый
Качались удушены
Шеями в царские вожжи.
Бились насмерть, боролись
Лучшие люди с неволей.
После ушла корнями в семью:

Возилась с детьми, детей обучала.
И переселилась на юг.
Дети росли странные, дикие,
Безвольные, как дитя,
Вольные на всё,
Ничего не хотя:
Художники, писатели,
Изобретатели.
Отец ее был со звездой старик,
Бритый, высокий, холодный.
Теперь в друг друга, рукой книги и ржи,
Вонзили обе ножи:
Исчадь деревни голодной и сама столица
на Неве, ее благородие.
Мучения ножик и наслаждения порхал, муки
и мести.
Глаза голубые и глаза темной жести.
Баба и барыня —
Обе седые, в лохматых седых волосах,
Да у барыни губы в белых усах.
Радовались неге мести и муки.
Потом долго ломала барыня руки
На грязной постели.
Это навет!
А на кухне угли самовара
Уж засвистели.
Скоро барин придет,
Пусть согреет живот.

Старуха снова пришла, но другая.
«Слухай, барыня, слухай,
Побалакай с старухой!
Бабуся моя,

Как молодой была,
Дородной была.
И дородна и бела
Чернобровая,
Как калач из печи! что пирог!
Славная девка была.
Бела и здорова,
Другую такую сыщи!
И прослыла коровой.
Парни-хлыщи!
Да глаза голубые веселухи закаянной
А певунья какая!
Лесной птицы
Глотка звонче ее.
Заведет, запоеет и с ума всех сведет.
Утром ходит в лесу,
Свою чешет косу,
И запоеет!
Бредят борзые и гончие,
Барин коня своего остановит,
Рубль серебряный девке подорит
Барин лихой, седые усы...
А барин наш был собачар.
Псарню большую имел.
И на псарне его
Были черные псы, да курчавые;
Были белые все,
Только чуточку ржавые.
Скачут как бесы, лижут лицо,
Гнутя и вьются, как угли, в кольцо.
А сколько визга, а сколько лая!
Охота была удалая.
Барыня милая! воют в рога,
Скачут и ищут зайца-врага.
Белый снежок,
Скачет комочек —
Заячьи сны,

Белый на белом,
Уши черны.
Вот и начался по полю скак!
Тонут в пыли
Черные кони и бобыли!
Тонут в сугробах и тонут!
Гончие воют и стонут!
Друг через друга
Псы перескакивают,
Кроет их вьюга,
Кого-то оплакивают,
Стонут и плачут.
А барин-то наш скачет... и скачет,
Сбруей серебряной блещет,
Черным арапником молотит и хлещет.
Зайчиха дрожит уже, вдовушка.
Людам любя заячья кровушка!
Зайца к седлу приторочит,
Снежного зайца, нового хочет.
Или ревет, заливаётся в рог.
Лютые псы скачут у ног.
Скачут поодаль холопы любимые,
Поле белехонько, только кусточки,
Свищут да рыщут,
Свеженьких ищут собачие рточки.
С песней в зубах, в зенках огонь!
Заячий кончится гон,
Барин удалый к бабе приедет,
Даст ей щеночка:
«Эй, красота!
Вот тебе сын али дочка,
Будь ему matka родимая.
Барскому псу дай воспитание».
Барину псы дорогая утеха, а бабе они — испытание!
Бабонька плачет,
Слезками волосы русые вымоет,
Песик весь махонький — что голубок!

Барская милость — рубль на зубок.
«Холи и люби, корми молоком!
Будет тебе богоданным сынком».
Что же подделает бабонька бедная?
Встанет у притолки бледная
И закатит большие глаза — в них синева.
Отшатнется назад,
Схватит рукою за грудь
И заохает, и заохает! *
Вся дрожит. Слезка бежит,
Точно ножом овцу полоснули.
Ночь. Все уснули.
Плачет и кормит щеночка-сыночка
Всю ночь.
Барская хамка — песика мамка! —
Чужие ведь санки!
Барин был строгий, правдивой осанки,
С навесом суровым нависших бровей,
И княжеских, верно, кровей.
Был норovitый.
Резкий, сердитый,
Кудри носил серебристые —
Помещик был истый,
Длинные к шее спускались усы.—
Теперь он давно на небеси,
Батюшка-барин!
Будь земля ему пухом!
Арапник шуршал: шу да шу! полз ровно змей.
Как я заслышу,
Девчонка, застыну и не дышу.
Снячуся в лен или под крышу.
Шепчет, как змей: «Не свищу, а шкуру спущу»
А барин арапником
Вдруг как шарахнет
Холопа по морде!
Помещик был истый да гордый.
И к бабке пришел: «На, воспитай!

Славный мальчик, крови хорошей,
А имя — Летай!
Щенка стерегись, не души!
Немилость узнаешь барской души!
Эй, гайдуки!
Дайте с руки!
Из полы в полу!»
И вот у бабуси щеночек веселый.
А от деда у ней остался мальчишка,
Толстый да белый, ну, словно пышка,
Глаза голубые.
Ваять бы и скушать!
Дед-то, вишь, помер, зачах,
Хоть жили оба на барских харчах!
Сидит на скамейке,
Крошит спросонку
Свои волосенки.
Такой кучерявый, такой синеглазый,
Игры да смех, любит проказы!
Бабка заплакала. Вся побледнела.
И зашаталась,
Просилась в ноги,
Серьгою звеня!
«Барин, а барин! спасите меня!»
Ломит, ломает белые руки!
Кукиш! матушка-барыня, кукиш!
«Арапником будет Спаситель,
Ты ему матка.
Кабыздох был родитель».
Вот ж вся взятка!
Кукиш. Щеночек сыночком остался.
Хлопнулась о пол, забила в падучей,
Барин затопал,
Стукнул палкою.
Угрюмый ушел, не прощаясь, без ласки!
Брови как тучи.

В. Хлебникова. «Ночь перед Советами». Иллюстрация.

Вот и жизнь началась!
 Так и заснули втроем,
 Два ведра на коромысле: черный щенок
 и сынок милоокий.
 На одной руке собака повисла,
 Тявкает, мать собачую кличет,
 Темного волоса ищет.
 Сладко заснул зайцев сыщик!
 Грезит про снежное поле и скачку!
 Храпит собачка.
 А на другой
 Папаня родимый обнял ручками грудь,
 Ротиком в мать родимую тычет,
 Песни мурлычет,
 Глаза протирает и нежится,
 Родненький,
 Темной возле родинки
 Или встает и сам с собою играет,

По сне распевает.
Грезит, поет малое дитя,
Ручкою тянет матери грудь!

Жуть!
Греет ночник.
Здесь собачища
С ртищем
Зайчище ловить, в зубищах давить.
А там мой отец, ровно скотец,
На материнскую грудь
Разевает свой ртец,
Ейную грудку сосет мальчик слюнявый.
И по сонной реке две груди — два лебедя плывут.
А рядом повиснул щенок, будто рак и чернеет, лапки-
клешни!
Чмок да чмок! мордашкой звериной в бабкину грудь.
Тяв да тяв, чернеет, всю искусал... собачьими зубками
царапает.
А рядом отец — бедный дурак... сирота соломенный,
Горемычный, то весь смеётся, то слезками капает.
Вот и кормит всю ночь бабка, бабуся моя,
Щеночка-сыночка, да вскрикнет.
А после жутко примолкнет, затихнет.
На груди своей матушки и собачьей няни
Бедный папаня прилег.
Дитя-мотылек.
Грудь матери ветка.
Песик, шелковый, серый, курчавый комок,
Теплым греет животиком,
Сладким нежится котиком,
А рядом папаня
К собачьей няне
И матери милой курчавится,
Детским тянется ротиком
К собачьей няне, целуется да балуется!

Бьет, веселится мальчонка, колотит в ручонки,
Тянется — замер.
К матери, что темнеет на подушке большими,
как череп, глазами,
Чье золото медовое волнуется, чернеет,
Рассыпалось на грудь светлыми, как рожь,
волосами,
Прилез весь голенький, сморщенный, глазками синяя.
Красненьким скотиком,
Мальчик кудрявенький головой белобрысой,
белесой
В грудку родимую тычет.
А в молоке нехватка и вычет!
Матери неоткуда его увеличить!
И оба висят как повешенные.
Лишь собачица
Сопит,
Черным чутьем звериным
Нежную ищет сонную грудь, ползет по перинам.
Мать... у нее на смуглом плече, прекрасно нагом,
Белый с черными пятнами шелковый нес!
Ими ему — Летай-Кабыздох!
А на другом,
Мух отгоняя,
Мои папаня
Инд головкою сонную ручку занес...
Чмокает губками сонными.
Вот и плачет она тихо каждую ночь,
Слезы ведрами льет.
Грудь одна ее, знай, — милому сыну ее,
синеглазому,
Что синие глазки таращит и пучит.
А другую сосет пес властелина ее.
Шелковый цуцик
Кровь испортил молодки невинную.
Зачем я родилась дочкой?
И по ночам в глазах целые ведра слез.

Бабка как вскочит босая,
Да в поле, да в лес! темной ночью, а буря
шумит!
И леший хохочет.
И, бог сохрани, потревожить! —
Мачехой псу быть не может!
Вот и стала мамкой щеночка.
Вот и плачет всю ночь.
Осеннею ночью — ведра слез!
Черный шелковый комок на плечо ей слез.
И зараз чмок да чмок.
Собачье дитя и человечье,
А делать нечего!
Захиреешь в плетях,
Засекут, подашь если в суд! — штаны снимай!
Сдерут с кож алый лоскут, положат на лавку!
Здесь выжлец, с своим хвостищем,—
А здесь мой отец, возле матери нищим!
Суседские дети мух отгоняли.
Барыня милая!
Так-то в то время холопских детей
С нечистою тварью равняли.
Так они вместе росли, щенок и ребенок.

5

И истощала же бабка!
Как щепка.
Задумалась крепко!
Стала худеть!
Бела как снежок,
Стала белей горностаюшки.
В чем осталась душа?
Да глазами молодка больно хороша!
Мамка Летая
Как зимою по воду пойдет да ведра возьмет —

Великомученица ровно ходит святая!
В черной шубе прозрачною стала, да темны глаза.
Свечкою тает и тает.
Лишь глаза ее светят как звезды,
Если выйдет зимою на воздух.
Не жилец на белом свете,
Порешили суседи!
А Летай вырос хорош,
День ото дня хорошея!
Всегда беспокойный,
Статный, поджарый, высокий, стройный!
Скажут Летаю, прыгнет на шею
И целует тебя по-собачьи!
Быстрых зайцев давил как мышей,
Лаял,
Барин в нем души не чаял!
«Орлик, цуцик! цуцик!»
И кормит цыплятами из барских ручек.
Всех наш Летай удивил.
А умный! Даром собачьих книг нет!
Вечно то скачет, то прыгнет!
Только папаня, в темный денек,
Раз подстерег
И на удавке и удавил.
И повесил
Перед барскими окнами.
У барина перед окнами
Отродье песье
Висит. Где его скок удалой, прыть!
«Чтобы с ним господа передохнули,
Пора им могилу рыть!»
Утром барин встает,
А на дворе вой!
Смотрит: пес любимый,
Удавленный папой,
Висит как живой,
Кружится,

Машет лапой.

П. Филонов. «Коровницы». Фрагмент.

Как осерчал!
Да железной палкой в пол застучал:
«Гайдук!
Эй!
Плетей!»
Да плетьми, да плетьми!
Так и папаню
Засек до чахотки.
Кашель красный пошел. На скамейке лежит
В гробу лежат краше!
А бабу деревня
Прозвала Собакевной.
Сохнуть она начала, задушевная!
Нет, не уйти ей от барского чиха!
Рябиною стала она вянуть и сохнуть!
Первая красавица, а теперь собачиха.
Встанет и охнет: «Где вы, мои золотые

Дни и денечки?
Красные дни и годочки,
Желтые косы крутые?»
Худая как жердь,
Смотрит как смерть.
Всё уплыло и прошло!
И вырвет седеющий клок.
И стала тянуть стаканами водку,
Распухшее рыло.
Вот как оно, барыня, было!
Черта ли?
Женскую грудь собачонкою портили!
Бабам давали псов в сыновья.
Чтобы кумились с собаками.
Мы от господ не знали житья!
Правду скажу:
Когда были господские,
Выли мы ровно не люди, а скотские!
Ровно корова!
Бают, неволю снова
Вернуть хотят господа?
Барыня, да?
Будет беда,
Гляди, будет большая беда!
Что говорить!
Больше не будем с барскими свиньями
есть из корыт!»

6

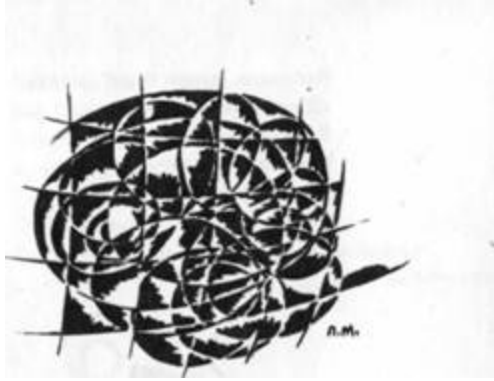
Пришла и шепчет:
«Барыня, а барыня!» —
«Ну что тебе, я спать хочу!» —
«Вас скоро повесят!
Хи-их-хи! их-хи-хи!
За отцов за грехи!»

Лицо ее серо, точно мешок,
И на нем ползал тихо смешок!
«Старуха, слушай, пора спать!
Иди к себе!
Ну что это такое,
Я спать хочу!»
Белым львом трясется большая
седая голова.
«Ведьма какая-то,
Она и святого взбесит». —
«Барыня, а барыня!» —
«Что тебе? —
«Вас скоро повесят!»
Варин пришел. Часы скрипят.
Белый исчерченный круг.
«Что у вас такое? Опять?» —
«Барин мой миленький,
Я на часы смотрю.
Наверное, скоро будет десять!»
«Прямо покоя нет.
Ну что это такое:
Приходит и говорит,
Что меня завтра повесят».

1 ноября 1921

* * *

НАСТОЯЩЕЕ

I

Над белым сумраком Невы,
У подоконника окна,
Стоял, облокотись,
Великий князь.
«Мне мил был
Сумрак сельской хаты
И белая светелка,
Соломенная челка
Соломы черной и гнилой,
Ее соломенный хохол
И на завалинке хохол.
И все же клич: «царей долой» —
Палит и жжет мне совесть.
Лучи моего духа
Селу убогому светили,
Но неприязненно и сухо
Их отрицали и не любили.
«Он захотел капусты кислой» —
Решил народный суд.
А я ведро на коромысле
Из березы пою, их вечером несут.
Суровою волею голи плаголы висят на глаголе.
Я, самый верхний лист
На дереве царей,
Подземные удары
Слышу, глухой подземный гул.
Нас кто-то рубит,
Дрожат листья,
И вороны летят далече.
Чу! Чую, завтра иль сегодня

Все дерево на землю упадет.
Железа острое нас рубит.
И дерево дрожит предсмертной дрожью».
Нежнее снежной паутины
И снежных бабочек полна,
Над черной бездною ночей
Летела занавесь окна.
И снежный камень ограничил,
Белее чести богоматери,
Его высокий полусвод.
«Народ нас создал, возвеличил.
Что ж, приходи казнить, народ!
Какой холодный подоконник!
И смотрят звезды — вещий сонник!
Да, настезь ко всему людей пророческие очи!
Придет ли смерть, загадочная сводня,
И лезвием по горлу защекочет,
Я все приму сегодня,
Чего смерть ни захочет.
Но сердцу темное пророчит.
Что ждет меня — какая чаша?
Ее к устам моим несу!
Глухой острог, параша,
Глухой острог, затерянный в лесу,
Среди сугробов рудники
И ты, печальная параша,
Жестоких дней приятельница?
Там полетят в меня плевки,
Я буду для детей плевательница?
Как грустен этот мир!
Время бежит, перо писарей
Торопится,
Царей
Зовет охолопиться...
И буду я висеть на виле;
А может, позже
Меня удавят те же вожжи,

Какими их давили.
Смерть! Я — белая страница!
Чего ты хочешь — напиши!
Какое нынче вдохновение ее прихода
современнее?
Ранней весной, не осенью,
Наше сено царей будет скошено.
Разлукой с небом навсегда,
Так наземь катится звезда
Обетом гибели труда.
Ах, если б снять с небесной полки
Созвездий книгу.
Где все уж сочтено,
Где жизни нить, и плахи нить, и смеха нить
В едином шелке
Ткало веретено,
Покорно роковому игу,
Для блеска звездных игол.
И показать людей очей корыту
Ее задумчиво-открытую...
Мне станет легче извинить
И палача и плаху,
И даже лесть кровавому галаху.
Часов времен прибою внемля,
Подкошенный подсолнух, я
Сегодня падаю на землю.
И вот я смерти кмотр.
Душа моя готовится на смотр
Отдать отчет в своих делах.
Что ждет меня?
Глухой темничный замок,
Ужимки за решеткой самок,
Толпа безумных дураков
И звон задумчивых оков?
И я с окованной рукой,
Нарушив прадедов покой,

Сойду туда?»

II

Голоса и песни улицы

1

Цари, цари дрожали,
Цари, цари дрожат!
На о,
На обух
Господ,
На о,
На обух
Господ,
На о,
На обух
Царей,
Царя,
Царя,
Народ,
Наро,
Народ,
Кузнец,
Моло,
Молотобоец.
Наро,
Народ,
Берёт,
Берё,
Берет
Господ,
На о, на о царей
Берет,

Кладет
Народ,
Моло,
Молотобоец
Царе,
Царей
На обух,
Пусть ус
Спокоятся
В Сиби,
В Сибирских су,
Сугро,
Сугробах белых.
Господ, господ кладет,
Кладет, кладет
Народ,
Кладет,
Кладет
Народ,
Кладет белого царя,
Кладет белого царя! Белого царя!
Белого царя!

— Царя!

А мы! — А мы глядим, а мы, а мы
глядим
Цари, цари дрожат!
Они, они дрожат!

Великий князь

Что? Уже начинается?

(Смотрит на часы.)

Да, уже пора!

2

Голоса с улицы

Мы писатели ножом!
Тай-тай, тарарай,
Тай-тай, тарарай!
Священники хохота,
Трай-тай, тарарай.
Священники выстрелов.
Запевалы смерти,
Трай-тай, тарарай.
Запевалы смерти,
Отцы смерти.
Трай-тай, тарарай.
Отцы смерти.
Трай-тай, тарарай.
Сына родила!
Невесты острога,
Трай-тай, тарарай.
Сына родила!
Мыслители винтовкой,
Трай-тай, тарарай.
Мыслители брюхом!

Великий князь

Да, уж начинается!..
В воду бросила!
Тай-тай, тарарай.
В воду бросила!
Тай-тай, тарарай.
В воду бросила!

Кто?
— Люди!
А, бог на блюде!
Подан.
— Бог на брюхе!
— С новым годом!
Пли!
— Одною меньше мухой.
Пли!
Шашка сбоку!
— К сроку!
С глазами борова
Свинья в котле.
— Здорово.
Рази и грей!
В посылке — олово.
Священник!
— Милости просим!
— Алых денег
Бросим!
— А, прапор! добро пожаловать!
Ты белый, а пуля ала ведь!
Городовой на крыше!
— Прицелы выше!
Бог на пузе!
— В общий узел!
Площадь очищена!
— Винтовка, пиши на!
Красная подкладка.
— Гладко!
А вон проходит красота
Вся в черном, но дымится дуло.
— Ни черта!
И она уснула.
Священник!

— Отсыпь свинцовых денег!
В слуховом окне пулемет!
— По черной лестнице — вперед!
Пристав!
— Чисто.
Ты, белая повязка!
— Салазки!!
Лежат поленницей дров...
Наколотили... кровь.
Среди прицелов бешеных
Сестра идет помешанная
И что-то поет из «Князя Игоря».
— Вдогонку! Выгорело.
На палках бог!
— Перо им в бок!
Пьяные бары.
— В Самару.
Плывет белуга.
— В Калугу.
Идут, молчат, ни звука!
Крадутся.
— В Москву.
Пли!
На уру!
— Тпру!
Тах — тах — тах!
Идут
Люди закона
С книгами!
— Дать капли Дона!
Выгоним!
Идут — вновь
Муху на бровь.
— Стой! Здесь
Страшный Суд!
Пли!
— Тут!

Ловко!
Река!
Горит винтовка!
Горит рука!
Еще гробокопы!
— Послать в окопы!
С глазами жалости...
— Малой! — Стреляй! Не балуй
Разве наши выстрелы
Шага к смерти не убыстрили.

4

Мы писатели ножом,
Тай-тай, тара-рай!
Мы писатели ножом...
Священники хохота.
Тай-тай, тара-рай,
Священники хохота.
Святые зеленой корки,
Тай-тай, тара-рай,
Святые зеленой корки.
Запевалы паденья престолов.
Тай-тай, тара-рай.
Скрипачи на брюхе богатых,
Тай-тай, тара-рай.
Невесты острога,
Тай-тай, тара-рай.
Свободные художники обуха.
Знайте: самый страшный грех
Пощада!

Великий князь

Началось!
Оно!

Обугленное бревно
Божественного гнева
Качается, нацелилось в окно.
Тай-тай, тара-рай.
Художники обуха.
Невесты острога.
Тай-тай, тара-рай.
В воду бросила!
Мощи в штанах.
Святые мощи в штанах.
Тай-тай, тара-рай.
Мощи в штанах.
Раска,
Раскаты грома,
Горя,
Горят хоромы.

А. Лентулов. «Москва». Фрагмент.

Ах вы, сони! Что по-барски
Вы храпите целый день?
Иль мила вам жизни царской
Умирающая тень?
Иль мила вам плетки древней
Налетающая боль
И в когтях цинги деревни
Опухающая голь?
Надевайте штаны
В насекомых и дырах!
Часы бар сочтены,
Уж лежат на секирах.
Шагайте, усачи
И нищие девчонки!
Несите секачи
И с порохом бочонки!
Братья и мужья,
У кого нет ножа,
У того есть мышьяк!
Граждане города,
В конском дымящемся кале
Вас кричат ножи,
Вас ножи искали!
Порешили ножи.
Хотят лезвием
Баловаться с барьем,
По горлу скользя.
Целоваться с барьем,
Миловаться с барьем,
Лезвием секача
Горло бар щекоча,
Лезвием скользя,—
А без вас нельзя!
Иди, беднота,
Столичная голь!
Шагай, темнота,
Как знамя — глаголь!

Несите нажим с Горячего поля
Войском нищим, войском нищим,
Чем блеснув за голенищем,
Хлынем! Хлынем!
Вынем! Вынем!
Жарко ждут ножи — они зеркало
воли.

Песня сумрака

Видит господь,
Нет житья от господ.
— Одолели — одолели!
Нас заели.
Знатных старух,
Стариков со звездой,
Нагишом бы погнать,
Ясноликую знать.
Всё господское стадо,
Что украинский скот,
Толстых, седых,
Молодых и худых
Нагишом бы все снять,
И сановное стадо,
И сановную знать,
Голяком бы погнать,
Чтобы бич бы свистал,
В звездах гром громыхал.
Где пощада? где пощада?
В одной паре с быком
Господа с кадыком,
Стариков со звездой
Повести голяком

И погнать босиком,
Пастухи чтобы шли
Со взведенным курком.
Одолели! одолели!
Околели! околели!
Всех дворян бы согнать
И сановную знать
Там, где бойни.
Нам спокойней! Нам спокойней!
Видит господь,
Нет житья от господ.
Ухарь боец
Как блеснет тесаком!

Прачка

Я бы на живодерню
На одной веревке
Всех господ провела
Да потом по горлу
Провела, провела!
А белье мое всполосну, всполосну!
А потом господ
Полосну, полосну!
И-их!
— Крови лужица!
— В глазах кружится!
Чтобы лучше целоваться
И шептать ответом «да»,
Скоро в тени одеваться
Будут господа.
Как нарядится барыня:
Серьги — имение, целое имение!

Как за стеклом — голодным харчи,
Их сияют лучи.
Тень кругом глаз, чтобы глаз удлинить.
Шляпа: «Ой, мамочка! не бей меня!»
Не шляпа, солнца затмение!
Две сажени! цветы да игла!
Серьги трясутся в ушах.
А шелка — ведь это целый ушат!
Зорькой небесной себя опоясывая,
Снежною бурей вьюгу на землю сбрасывают
Дочерям богатея.
Такая затея!
Я бы не могла.
Ты пройдешь, удалый ножик,
Около сережек!
Бары, дело известное!
Из сословья имущего.
А белье какое!
Не белье, а облако небесное!
Тьма тьмущая,
Тьма господняя
Кружева у барышни на штанах.
Вчера и сегодня ты им услуживай,
А живи в сырых стенах.

Голоса с улицы.

Разве вы
От холода не выли
Вдвоем в землянке?
И от усталости не падали?
Не спали сытые на теплой падали?
Не спали на ходу, склонивши голову?

Так лейте пули — вот свинец и олово!
Я, дочь народа,
Простая чернорабочая,
Сегодня вас свободой потчую!
Бог! говорят, на небе твоя ставка!
Сегодня ты — получишь отставку!
На вилы,
Железные вилы подыдем
Святое для всех господа имя!
Святое, седое божие имя.
На небе громовержец,
Ты на земле собольи шубы
держишь?
Медники глухого переулка!
Слышите раскаты грома гулкового:
Где чинят бога?
Будет на чуде ржа,
И будет народ палачом без
удержа.
Речи будут его кумачовые.
Живи.
Будут руки его пугачевые
В крови!
Это время кулачных боев
Груди народной и свинцовой пули.
Слышите дикий, бешеный рев:
Люди проснулись.
Теперь не время мыть рубашки:
Иди, язык гремучих шашек!
Мыслители винтовкой.
Раска,
Раскаты грома.
Горя,
Горят хоромы.
На о,
На обух господ...

Другие

Чтоб от жен и до наложницы
Господ нес рысак.
Сам господь, напялив ножницы,
Прибыль стриг бумаг.
Тучной складкою жирели
Купцов шеи без стыда,
А купчих без ожерелий
Не видать бы никогда.
Были сложены обедни.
А где бог бедных?
Кто бы рабочим
Утром дал бы передник
И сказал «носи»?
Друг бедноты на небеси.
И утром принес бы стакан
молока?
Наш бог в кулаке,
Наша вера кулака!
А наша рабочая темь
Стоит дрожа.
Виновата тем, —
В кулаке нет ножа.
Ладонь без ножа.
Хлынем, братушки, хлынем
Войском нищим.
Вынем, братушки, вынем
Нож в голенище.
Ярославль! Ты корову
На крышу поставил!
Рязань, ты телят молодцом
Режешь огурцом.
Волга!
Все за дворцом.

Берем божбой
Святой разбой!

10

Гож нож!
Раскаты грома.
Нож гож,
Пылай, хоромы.

II

Великий князь

О, роковой напев судьбы,
Как солнце окровавило закатом
Ночные стекла тех дворцов,
А все же стекла голубы!
Не так ли я, воспетый катом,
Железным голосом секиры,
Вдруг окровавлю жажду шири?
Рыжие усики.
— Что, барышня, трусите?
Гноя знак.
— Что, барышня, боязно?

7-11 ноября 1921

* * *

ТРУБА ГУЛЬ-МУЛЛЫ

1

Ок!
Ок!
Это горный пророк;
Как дыханье китов, из щелей толпы
Вылетают их стоны и ярости крики.
Яростным буйволом пронесся священник цветов.
В овчине суровой голые руки, голые ноги.
Горный пастух его бы сочел за своего.
Дикий буйвол ему бы промолвил: «Мой брат».
Он, божий ветер, вдруг налетел, прилетел
В людные улицы с гор снеговых,
Дикий священник цветов,
Белой пушинкой зачем-то грозя.
Чох пуль! Чох шай! Стал нестерпимым прибор!
Слишком поднялся потоп торго и рынка.
Черные волосы падали буйно, как водопад,
На темные руки пророка,
Грудь золотого загара, золотая, как жёлудь.
Ноги босые.
Листвой золотою овчина торчала,
Шубой шиврат-навыворот. Божественно темное
дикое око.
Десятками лет никем не покошены,
Волосы падали черной рекой на плечо,
На темный рот.
Конский хвост не стыдился бы их толщины.
Черное сено ночных вдохновений,
Стога полночей звездных,
Черной пшеницы стога,
Птичьих полетов пути с дальних гор

снеговых пали на голые плечи.
Горы денег сильнее пушинка его.
И в руках его белый пух, перо лебедя,
Лебедем ночи потерян,
Когда он летел высоко над миром,
Над горой и долиной.
Бык чугунный на посох уселся пророка,
А в глазах его огонь солнечный.

Ок!
Ок!
Это пророки
Сбежались с снежных гор.
Сбежались с гор
Встречать чадо Хлебникова,
Ему радуясь!
Саул, адам
Веры Севера.
Саул тебе
За твою звезду,
Чох пророков тебе
Пело славу.
Очана-мочана — все хорошо.
«Наш!»—сказали священники гор.
«Наш!»— запели цветы.
— Золотые чернила
На скатерть лугов
Весною неловкою пролиты.
«Наш!» — запели дубровы и рощи —
Золотой набат, весны колокольня,
Сотнями глаз в небе зелени
Зорких солнышек —
Ветвей благовест.

«Нет» — говорили ночей облака,
«Нет» — прохрипели вороны моря,
Оком зеленые, клювом железные,
Неводом строгим
К утренней тоне спеша на восток,
Месяц поймав
Сетки мотнею.
Только «мой» не сказала
Дева Ирана,
Только «мой» не сказала она.

Полетом разбойничьим,
Белые крылья сломав,
Я с окровавленным мозгом
Упал к белым снегам
И алым садам,
Терновников розгам.
И горным богам
Я крикнул:
«Спасите, спасите, товарищи, друзья,
спасите!»
И ресницей усталою гасил голубое пожарище,
Накрыт простыней искалеченных крыл.
Горы, белые горы.
«Курск» гулко шел к вам.
Кружевом нежным и шелковым,
Море кружева пеною соткано.
Синее небо.
У старого волка морского
Книга лежала Кропоткина
«Завоевание хлеба».
В прошлом столетии
Искали огня закурить.

Может, найдется поближе
И ярче огонь
Трубку морскую раздуть?
Глазами целуя меня,
— Я — покорение неба, —
Моря и моря
Синеют без меры.
Алые сады — моя кровь,
Белые горы — крылья.
— Садись, Гуль-мулла,
Давай перевезу.

И в звездной охоте
Я звездный скакун,
Я — Разин напротив,
Я — Разин навыворот.
Плыл я на «Курске» судьбе поперек.
Он грабил и жег, а я слова божок.
Пароход ветросек
Шел через залива рот.
Разин деву
В воде утопил.
Что сделаю я? Наоборот? Спасу!
Увидим. Время не любит удил.
И до поры не откроет свой рот.
В пещерах гор
Нет никого?
Живут боги?
Я читал в какой-то сказке,
Что в пещерах живут боги,
И как синенькие глазки
Мотыльки им кроют ноги.
Через Кропоткина в прошлом,

За охоту за пошлым
Судьбы ласкают меня
И снова после опалы трепещут крылом
За плечами.

А. Волков. «Гранатовая чайхана». Фрагмент.

«Мы, ответренные Каспием,
Великаны алокожие,
За свободу в этот час поем,
Славя волю и безбожие.
Пусть замолкнет тот, кто нанят,
Чья присяга морю лжива,
А морская песня грянет.
На устах молчит нажива».
Ветер, ну?

Пастух очей стоит поодаль.
Белые очи богов по небу плыли!
Пила белых гор. Пела моряна.
Землею напета пластина.
Глаза казни
Гонит ветер овцами гор
По выгону мира.
Над кремневой равниной овцами гор,
Темных гор пастись в городах.
Пастух людских пыток поодаль стоит,
Снежные мысли,
Белые речки.
Снежные думы
Каменного мозга.
Синего лба
Круч кремневласых неясные очи.
Пытки за снежною веткой шиповника.
Ветер — пастух божьих очей.
Гурриэт-эль-Айн,
Тахирэ, сама
Затянула на себе концы веревок,
Спросив палачей, повернув голову:
«Больше ничего?» —
«Вожжи и олово
В грудь жениху!»
Это ее мертвое тело — снежные горы.
Темные ноздри гор
Жадно втягивают
Запах Разина,
Ветер с моря.
Я еду.
Ветер пыток.

Полк узеньких улиц.
 Я исхлестан камнями!
 Бульжные лети
 Исхлестали глаза!
 Пощады небо не даст!
 Пулей пытливых взглядов
 Тысячи раз я пророгожен.
 Высекли плечи
 Бульжные плети!
 Лишь башня из синих камней на мосту
 Смотрела богоматерью.
 Серые стены стегали
 Вечерний рынок.
 Вороны яйца!
 «Один — один шай» — «Один — один
 шай».
 Лёви, лови!

Пудри роскоши синей,
 Дикие болота царевичи,
 Синие негою
 Золото масла крышей покрыли,
 Чтобы в ней жили глаз воробьи
 (Масла коровьего вымени белых небес,
 снега и инея).
 Костры. Огни в глиняных плошках.
 Мертвая голова быка у стены. Быка несут
 на палках.
 Дикие тени ночей. Напитки в кувшинах
 ледяные.

В шаях войны.
Лотки со льдом, бобы и жмыхи.
И залежи кувшинов голубых,
Как камнеломни синевы,
Чей камень полон синевы,
Здесь свалка неба голубого,
Зеленые куры, красных яиц скорлупа.
И в полушариях черных, как черепа,
Блится глазами толпа, в четки стуча,
Из улицы темной: «Русски не знаем,
Зидарастуй, тобаричи».

9

Дети пекут улыбки больших глаз
В жаровнях темных ресниц
И со смехом дают случайным прохожим.
Калека-мальчик руки-нити
Тянул к прохожим по-паучьи у мечети.
Вином запечатанным
С белой головкой над черным стеклом
Жены черные шли.
Кто отпечатает?
Я — лениво.
Я кресало для огнива
Животно испуганных глаз, глупо прелестных
черною прелестью,
Под покрывалом
От страха спасителем.
Белой чахотки
Забрало белеет у черных теней.
Белые прутья на черные тени спускались —
смерти решетка.
Окошка черной темницы решеткой.
Тише святая святых! Женщин идущих

Востока.

10

Полночь. Решт. Рыжие прыжки кошек
С двойкой зеленой кладбищенских глаз
Дразнят собак.
Гау, гау! га-га! га-га!
Те отвечали лениво.
Это черта сыны прыгали в садах.
На голые шары черепов, бритые головы,
С черным хохлом где-то сбоку (дыма черное
облако)
Весь вечер смотрели мы.
Прокаженные жены, подняв покрывало,
Звали людей: «Приди, отдохни!
Усни на груди у меня».

11

Страна, где все люди Адамы,
Корни наружу небесного рая!
Где деньги — «пуль»,
И в горном ущелье
Над водопадом гремучим
В белом белье ходят ханы
Тянуть лососей
Частою сеткой на ручке.
И все на ша: шах, шай, шире.
Где молчаливому месяцу
Дано самое звонкое имя
Ай,

В этой стране я!

Весна морю дает
Ожерелье из мертвых сомов —
Трупами устлан весь берег.
Собакам, провидцам, пророкам
И мне
Морем предложен обед
Рыбы уснувшей
На скатерти берега.
Будь человек! Не стыдись! отдыхай,
почивай!
Кроме моря, здесь нет никого.
Три мешочка икры
Я нашел и испек,
И сыт!
Вороны, каркая, — в небо!
«Упокой, господи» и «Вечную память»
Пело море
Тухлым собакам.
В этой стране
Алых чернил займы у крови, — дружеский
долг,—
Время берет около Троицы,
Когда алым пухом
Алеют леса-недотроги.
И золотые чернила весны
В закат опрокинуты, в немилости,
И малиновый лес у
Сменяет зеленый.
В этой стране собаки не лают,
Если ночью ногою наступишь на них,
Кротки и тихи

Большие собаки.
Тебе люди шелка не дадут,—
О пророк! И дереву знаменем быть:
Пальцы кровавые лета запечатлены на зеленых
листах,
Когда недотрогу неженку-розу беру знаменем.

13

Сегодня я в гостях у моря,
Скатерть широка песчаная,
Собака поодаль.
Ищем. Грызем.
Смотрим друг на друга.
Обедал икрой и мелкой рыбешкой.
Хорошо! Хуже в гостях у людей!
Из-за забора: «Урус дервиш, дервиш урус!» —
Десятки раз крикнул мне мальчик.

14

Косматый лев, с глазами вашего знакомого,
Кривым мечом
Кому-то угрожал — заката сторож,
И солнце перезревшей девой
(Верно, сладкое любит варенье)
Ласково закатилось на львиное плечо.
Среди зеленых изразцов,
Среди зеленых изразцов!

15

Хан в чистом белье
Нюхал алый цветок, сладко втягивал
в ноздри запах цветка,
Жадно глазами даль созерцая.
«Русски не знай — плёхо!
Шалтай-балтай не надо, зачем? плёхо!
Учитель, давай
Столько пальцев и столько (пятьдесят лет)
Азия русская.
Россия первая, учитель харяшо.
Толстой большой человек, да, да, русский
дервиш!
А Зардешт, а! харяшо!»
И сагиб, пьянея, алый нюхал цветок,
Белый и босой,
И смотрел на синие дальние горы.
Крыльцо перед горами в коврах и горах
винтовок
Выше предков могилы.
А рядом пятку чесали сыну его:
Он хохотал,
Стараясь ногою попасть слугам в лицо.
Тоже он был в одном белье.
По саду ханы ходят беспечно в белье
Или копают заступом мирно
Огород капусты.
«Беботву вевять»,—
Славка запела.
Бульжники собраны в круг,
Гладка, как скатерть, долина,
Выметен начисто пол ущелья:
Из глазу не надо соринки.
Деревья в середке бульжных венков,
Черепами людей белеют дома.

Хворост на палках.
Там чай-хане пустыни. Черные вишни-соблазны
на удочке тянут голодных глаза.
Армянские дети пугливы.
Сотнями сказочных лбов
Клубятся, пузырятся в борьбе за дорогу
Корни смоковницы
(Я на них спал)
И в землю уходят. Громадным дуплом
Настежь открыта счетоводная книга столетий.
Ствол (шире коня поперек), пузырись,
Подымал над собой тучу зеленую листьев
и веток,
Градом ветвей стекая к корням,
Ливень дерева сверху пролился
В корни и землю, внедряясь в подземную плоть.
Ячейками сети срастались глухою петлею.
И листья, певцы того, что нет,
Младшие ветви и старшие
И юношей толпы — матери держат старые руки.
Чертеж? или дерево?
Снимаясь с корнями, дерево капало вниз
и текло древесною влагой
И медленном ливне столетий.
Здесь я спал изнемогший.
Полые кони паслись на лужайке оседланны.
«Наше дитю! Вот тебе ужин, садись!» —
Крикнул военный, с русской службы бежавший.
Чай, вишни и рис.
Целых два дня я питался лесной ежевикой.
«Пуль» в эти дни я не имел, шел пеший.
«Беботву вевять», — славка поет!

Чудищ видений ночей черные призраки,
Черные львы.
Плясунья, шалунья вскочила на дерево,
Стоит на носке, другую, в колене согнув,
занесла над головой,
И согнута в локте рука,
Кружев черен наряд. Сколько призраков.
Длинная игла дикобраза блестит в лучах Ая.
Ниткой перо примотаю и стану писать новые
песни.
Очень устал. Со мною винтовка и рукописи.
Лает лиса за кустами,
Где развилок дорог поперечных, живую былиной
Лег на самой середке дороги, по-богатырски
руки раскинул.
Не ночлег, — а живая былина Онеги.
Звезды смотрят в душу с черного неба.
Ружье и немного колосьев — подушка усталому.
Сразу заснул. Проснулся, смотрю — кругом надо
мною
На корточках дюжина воинов.
Курят, молчат, размышляют. «По-русски
не знай
Покрытые роскошью будущих выстрелов,
Что-то думают. За плечами винтовки.
Груды в широкой броне из зарядов.
«Пойдем». Повели. Накормили, дали курить
голодному рту.
И чудо — утром вернули ружье. Отпустили.
Ломоть сыра давал мне кардаш,
Жалко смотря на меня.

— Садись, Гуль-мулла.
Черный горячий кипяток, брызнул мне в лицо.
— Черной воды? Нет, — посмотрел Али-Магомет,
засмеялся:
— Я знаю, ты кто.
— Кто?
— Гуль-мулла. — Священник цветов?
— Да-да-да.
Смеется, гребет.
Мы несемся в зеркальном заливе
Около тучи снастей и узорных чудовищ
с телом железным.

— Лодка есть,
Товарищ Гуль-мулла! Садись, повезем!
Денег нет? Ничего.
Так повезем! Садись! —
Наперерыв говорили киржимы.
Я сажусь к старику. Он добродушен и красен,
о Турции часто ноет.
Весла шуметь. Баклан полетел.
Из Энзели мы едем в Казьян.
Я счастье даю? Почему так охотно возят меня?
Нету почетнее в Персии
Быть Гуль-муллой,
Казначеем чернил золотых у весны
В первый день месяца Ай.
Крикнуть балуя Ай,
Бледному месяцу Ай,
Справа увидев.
Лету — крови своей отпустить,
А весне — золотых волос.
Я каждый день лежу на песке,

Засыпая на нем.

1921

* * *

БЕРЕГ НЕВОЛЬНИКОВ

Невольничий берег,
Продажа рабов
Из теплых морей,
Таких синих, что болят глаза, надолго
Перешел в новое место:
В былую столицу белых царей,
Под кружевом белым
Вьюги, такой белой,
Как нож, сослепа воткнутый кем-то в глаза.
Зычно продавались рабы
Полей России.
«Белая кожа! Белая кожа!
Белый бык!» —
Кричали торговцы.
И в каждую хату проворнее вора
Был воткнут клинок
Набора.
Пришли; смотрят глупо, как овцы,
Бьют и колотят множеством ног.
А ведь каждый — у мамыньки где-то, какой-то
Любимый, дражайший сынок.
Матери России, седые матери,
— Войте!
Продаватели
Смотрят им в зубы,
Меряют грудь,
Щупают мышцы,
Тугую икру.
«Повернись, друг!»
Врачебный осмотр.
Хлопают по плечу:
«Хороший, добрый скот!»
Бодро пойдет на уру

Стадом волов,
Пойдет напролом,
Множеством пьяных голов,
Сомнет и снесет на плечах
Колья колючей изгороди,
И железным колом
С размаха, чужой
Натыкая живот,
Будет работать,
Как дикий скот
Буйным рогом.
Шагайте! С богом!
Прощальное баево.
Видишь: ясные глаза его
Смотрят с белых знамен.
Тот, кому вы верите.
«Бегает, как жеребец. Рысь! Сила!
Что, в деревне,
Чай, осталась кобыла?
Экая силища! Какая сила!
Ну, наклонись!»
Он стоит на холодине наг,
Раб белый и голый.
Деревня!
В одежды визга рядись!

К. Малевич. «Скачет красная конница...». Фрагмент.

Ветер плачевный
Гонит снега стада
На молодые года,
Гонит стада,
Сельского хама рог,
За море.
Кулек за кульком,
Стадо за стадом брошены на палубу,
Сверху на палубу строгих пароходов.
Мясо, не знающее жалости,
Не знающее жалобы,
Бросает рука
Мировой наживы
Игривее шалости.
Орана обессынена!
Л вернется оттуда
Человеческий лом, зашагают обрубки,
Где-то по дороге, там, на чужбине,
Забывшие свои руки и ноги.
Бульба больше любил свое курево в трубке.
Иль поездами смутных слепцов

Быстро прикатит в хаты отцов.
Вот тебе и раз!
Ехал за море
С глазами, были глаза, а вернулся назад без глаз,
А он был женихом!
Выделка русской овчинки!
Отдано русское тело пушкам
— В починку! Хорошая починка!
В уши бар белоснежные попал
Первый гневный хама рев:
Будя!
Русское мясо! Русское мясо!
На вывоз! Чудища морские, скорее!
А над всем реют
На знаменах
Темные очи Спаса
Над лавками русского мяса.
Соломорезка войны
Железной решеткою
Втягивает
Всё свежие
И свежие колосья
С зернами слез Великороссии.
Гнев подымался в раскатах:
Не спрячетесь! Не спрячетесь!
Те, кому на самокатах
Кататься дадено
В стеклянных шатрах,
Слушайте вой
Человеческой говядины
Убойного и голубого скота.
«Где мои сыны?» —
Несется в окно вой.
Сыны!
Где вы удобрили
Пажитей прах?
Ноги это, ребра ли висят на куста

Старая мать трясет головой.
Соломорезка войны
Сельскую Русь
Втягивает в жабры.
«Трусь! Беги с полей в хаты»,—
Кричит умирающий храбрый,
Через стекло самоката
В уши богатым седокам самоката,
Недотрогам войны,
Несется: «Где мои сыны?»
Из горбатой мохнатой хаты.
Русского мяса
Вывоз куй!
Стала Россия
Огромной вывеской,
И на нее
Жирный палец простерт
Мирового рубля.
«Более, более
Орд
В окопы Польши,
В горы Галиции!»
Струганок войны стругает, скобля,
Русское мясо.
Порхая в столице
Множеством стружек.
— Мертвые люди!
Пароходы-чудовища
С мерзлыми трупами
Море роют шурупами,
Воют у пристани,
Ждут очереди.
Нету сынов!
Нету отцов!
Взгляд дочери дикий
Смотрит и видит
Безглазый, безустый мешок

С белым оскалом,
В знакомом тулупе.
Он был родимым отцом
В далекой халупе.
Смрадно дышит,
Хрипит: «Хлебушка, дочка»

.....

Обвиняю!
Темные глаза Спаса
Белых священных знамен,
Что вы трепыхались
Над лавками
Русского мяса
Молча
И не было упреков и жёлчи
В ясных божественных взорах,
Смотревших оттуда.
А ведь было столько мученья,
Столько людей изувечено!
И слугою войны — порохом
Подано столько печенья
Из человечины
Пушкам чугунным.
Это же пушек пирожного сливки,
Сливки пирожного,
Если на сучьях мяса обрывки,
Руки порожные
— Дали...
Сельская голь стерегла свои норы.
Пушки-обжоры
Саженною плоткой,
Бездонною бочкой
Глодали,
Чавкая,
То, что им подано
Мяса русского лавкой.
Стадом чугунных свиней,

Чугунными свиньями жрали нас
Эти ядер выше травы скачки.
Эти чугунные выскочки,
Сластены войны,
Хрустели костями.
Жрали и жрали нас, белые кости,
Стадом чугунных свиней.
А вдали свинопас,
Пастух черного стада свиней.
— Небо синее, тоже пьянея,
Всадник на коне едет.
Мы
Мы были жратвой чугуна,
Жратвою, жратва!
И вдруг жезавизжало,
Хрюкнуло, и над нею братва, как шершнево жало,
Занесла высоко
Кол
Священной
Огромной погромной свободы.
Это к горлу же
Бэ
Приставило нож, моря тесак,
Хрюкает же и бежит, как рысак.
Слово «братва», цепи снимая
Работорговли,
Полетело, как колокол,
Воробьем с зажженным хвостом
И гнилые соломенные кровли.
Свободы пожар! Пожар! Набат.
Хрюкнуло же, убежало. — Брат!
Слово «братва» из полы в полу, точно священный огонь,
На заре
Из уст передавалось
В уста, другой веры завет.
Шепотом радости тихим.
Стариковские, бабьи, ребячьи шевелились уста.

Жратва на земле
Без силы лежала,
Ей не сплести брони из рогож.
И над ней братва
Дымное мезтью железо держала,
Брызнувший солнцем ликующий нож.
Скоро багряный
Дикой схваткой двух букв,
Чей бой был мятежен,
Азбуки боем кулачным
Кончились сельской России
Молитвы, плач их. Погибни, чугун окаанный!
И победой бэ
Радостной, светлой
Были брошены трупные метлы,
Выметавшие села,
И остановлен
Войны праздничный бег,
Работорговли рысь.
Дикие, гордые, вы,
Хлынув из горла Невы,
В рубахах морской синевы,
На Зимний дворец,
Там, где мяса главный купец
За черным окном,
Направили дуло.
Это дикой воли ветер,
Это морем подуло.
Братва, напролом!
Это над морем
«Аврора»
Подняла: «Наш».
«Товарищи!
Порох готовлю».
Стой, мертвым мясом
Торговля.
Браток, шараш!

Несите винтовок,
Несите параш
В Зимний дворец.
Годок, будь ловок.
Заводы ревут: на помощь.
Малой?
Керенского сломишь?
В косматой шкуре греешь силы свои.
Как слоны, высоко подняв хоботы,
Заводы трубили
Зорю
Мировому братству: просыпайся,
Встань, прекрасная конница,
Вечно пылай, сегодняшняя бессонница.
А издалека, натягивая лук, прошлое гонится.
Заводы ревут:
«Руки вверх» богатству.
Слонов разъяренное стадо.
.....
Зубы выломать...
Глухо выла мать:
Нету сына-то.
Есть обрубок.
И целует обрубок...
Колосья синих глаз,
Колосья черных глаз
Гнет, рубит, режет
Соломорезка войны.

1921 (?)

* * *

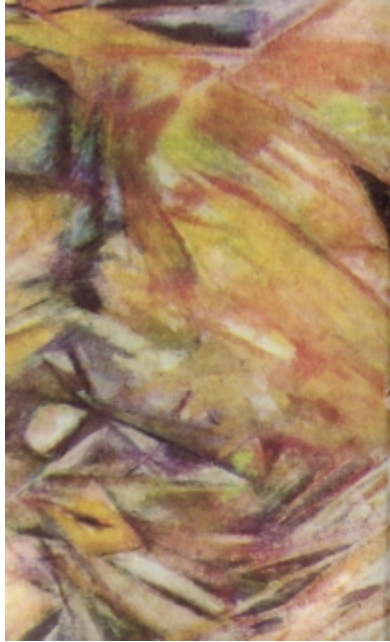
УСТРУГ РАЗИНА

Где море бьется диким неужом,
Ломая разума дела,
Ему рыдать и грезить не о ком,
Оно, морские удила
Соленой пеной покрывая,
Грызет узду людей езды.
Так девушка времен Мамаю,
С укором к небу подымая
Свои глаза большой воды,
Вдруг спросит нараспев отца:
«На что изволит гневаться?
Ужель она тому причина,
Что меч суровый в ножны сует,
Что гневная морщина
Его лицо сурово полосует,
Согнав улыбку, точно хлам,
Лик разделивши пополам?»
По затону трех покойников,
Где лишь лебеда лучи,
Вышел парусник разбойников
Иступить свои мечи.
Засунув меч кривой за пояс,
Ленивою осанкою покоясь,
В свой пояс шелково-малиновый
Кремни для пороха засунув,
Пока шумит волны о сыне вой
Среди взволнованных бурунов.
Был заперт порох в рог коровы,
На голове его овца.
А говор краткий и суровый
Шумел о подвигах пловца.
Как человеческую рожь
Собрал в снопы нездешний нож.

Гуляет пахарь в нашей ниве.
Кто много видел, это вывел.
Их души, точно из железа,
О море пели как волна.
За шляпой белого овечьего руна
Скрывался взгляд головореза.
Умеет рукоять столетий
Скользить ночами, точно тать,
Или по горлу королей
Концом свирепо щекотать.
Или рукой седых могил
Ковать столетья для удил.
И Разина глухое «слышу»
Подыметя со дна холмов,
Как знамя красное, взойдет на крышу
И поведет войска умов.

----- —

И плахи медленные взмахи
Хвалили вольные галахи.
Была повольницей полна
Уструга узкая корма.
Где пучина, для почина

М. Ларионов. «Петух». Фрагмент.

Силу бурь удесятеря,
Волги синяя овчина
На плечах богатыря.
Он стоит полунагой,
Горит пояса насечка,
И железное колечко
Опускается серьгой.
Не гордись лебязьим видом,
Лодки груди птичий выдум!
И кормы, весь в сваях угол,
Не таи полночных пугал.
Он кулак калек
Москве кажет — во!
Во душе его
Поет вещий Олег.
Здесь все сказочно и чудно,
Это воли моря полк,
И на самом носу судна
Был прибит матерый волк.
А отец свободы дикой
На парчовой лежит койке

И играет кистенем,
Чтоб копейка на попойке
Покатилась рублем.
Ножами наживы
Им милы, любезны
И ветер служивый
И смуглые бездны.
Он невидим и неведом
Быстро катится по водам.
Он был кум бедноты,
С самой смертью на ты.
Бревен черные кокоры
Для весла гребцов опоры.
Сколько вражьих голов
Срубил в битве галах,
Знает чайка-рыболов,
Отдыхая на шестах.
Месяц взял того, что наго, вор.
На уструге тлеет заговор,
Бубен гром и песни дуд.
И прославленные в селах
Пастухи ножей веселых
Речи тихие ведут:
«От отечества, оттоле
Отманил нас отаман.
Волга-мать не видит пищи.
Время жертвы и жратвы.
Или разумом ты нищий,
Богатырь без головы?
Развяжи кошель и грош
Бедной девки в воду брось!
Куксит, плачет целый день
Это дело — дребедень.
Закопченной девчонкой
Накорми страну плотвы.
В гневе праведном серчая,
Волга бьется, правды чая.

Наша вера — кровь и зарево.
Наше слово — государево».
Богатырь поставил бревна
Твердых ног на доски палубы,
Произнес зарок сыновний,
Чтоб река не голодала бы.
Над голодной столицей
Одичавших волн
Воин вод свиреполицый,
Тот, кому молился челн,
Не увидел тени жалобы.
И уроком поздних лет
Прогремел его обет:
«К богу-могу эту куклу!
Девы-мевы, руки-муки,
Косы-мосы, очи-мочи!
Голубая Волга — на!
Ты боярами оболгана!»
Волге долго не молчится.
Ей ворчится, как волчице.
Волны Волги, точно волки,
Ветер бешеной погоды.
Вьется шелковый лоскут.
И у Волги у голодной
Слюни голода текут.
Волга воеет, Волга скачет
Без лица и без конца.
В буревой волне маячит
Ляля буйного донца.
«Нам глаза ее тошны.
Развяжи узлы мошны.
Иль тебе в часы досуга
Шелк волос милей кольчуги?»
«Баба-птица ловит рыбу,
Прячет в кожаный мешок.
Нас застенок ждет и дыба,
Кровь прольется на вершок».

И морю утихнуть легко,
И ветру свирепствовать лень.
Как будто веселый дядько,
По пояс несется тюлень.
Нечеловеческие тайны
Закрыты шумом, точно речью.
Так на Днепре, реке Украины,
Шатры таились Запорожской Сечи
И песни помнили века
Свободный ум сечевика.
Его широкая чуприна
Была щитом простолюдина,
А меч коротко-голубой
Боролся с чертом и судьбой.

19 января 1922

ПРИМЕЧАНИЯ

Ладомир.

Лобачевский Николай Иванович (1792–1856) — математик, создатель неевклидовой геометрии, совершившей переворот в представлениях о природе пространства. *Пусть Лобачевского кривые Украсят города.* Речь идет о ("> архитектуре будущего. *Нам руку подалив венгерцы.* Имеется в виду революция 1919 г. в Венгрии. *Свой замок цен, рабочий, строй Из камней ударов сердца.* Хлебников писал: «Совершать обмен видами труда посредством обмена ударами сердца. Исчислять каждый труд ударами сердца — денежной единицей будущего, коей равно богат каждый живущий». *Перуном плывут по Днепровью.* По принятии христианства киевский князь Владимир приказал сбросить в Днепр огромный деревянный идол Перуна, верховного божества и бога грома и молнии славян. *Раклы*— бродяги, негодяи. *Галахи*— крикуны, шумная толпа. *Намок кружев девой нажит...* *Теперь плясуньи особняк В набат умчи бросает кличи.* Речь идет о дворце любовницы Николая II балерины Кшесинской. С балкона этого дворца выступал В. И. Ленин в апреле 1917 г. *И умный черт Гайаваты Украсит голову Монблана.* Согласно своей идее интернационального объединения человечества, Хлебников предлагал «основать мировое правительство украшения земного шара памятниками». *Гайавата*— герой индейского эпоса и поэмы американского поэта Генри Уодсворта Лонгфелло (1807–1882) «Песнь о Гайавате». *И к онсам мчатся вальпарайсы, К ондурам бросились рубли.* Речь идет об Америке, куда во время империалистической войны стекались деньги со всего мира. *Онсы* — старинная испанская монета. *Вальпараисо*— торговый порт и город в Чили. *Ондуры*— южноамериканская республика Гондурас. *Песнь песней*— книга Библии. *Лоб Разина резьбы Коненкова* — 1 мая 1919 года в Москве на Лобном месте был открыт памятник Разину работы С. Коненкова. *Гурриэт-эль-Айн* — см. поэму «Труба Гуль-муллы» и примечания. *Дзонкава*—реформатор буддизма XIV в. *Изанаги* — дух воздуха в

японской мифологии. «*Моногатори*» («Моногатари») — японский рыцарский роман. *Эрот* — бог любви в греческой мифологии. *Шангти* (Шанди) — верховное божество древнего Китая, именуемое *Тянь*. *Маа-Эма* — божество полинезийской мифологии. *Тиэн* (Тянь) — «Небесный царь», верховное божество древнего Китая. *Индра* — главнейшее из индийских божеств, первоначально бог грозы и бури, позднее также бог войны. *Юнона* — царица неба и земли в римской мифологии. *Цинтекуатель* — божество древних перуанцев и Майя. *Корреджио* Антони Аллегри (1494–1534) — итальянский живописец. *Мурильо* Бартоломе Эстебан (1617–1682) — испанский живописец. *Ункулункулу* — африканский бог грома. *Тор* — бог грома в скандинавской мифологии. *Хоккусай* (Хокусаи) Кацусика (1760–1849) — японский живописец и гравёр. *Астарта* — финикийская богиня земного плодородия и любви. *Месяц «Ай»* — название первого месяца года в Иране. «*Играй овраги*» — месяц май. *У великороссов Нет больше отечества*. Хлебников говорит об исчезновении шовинизма и национальной розни, о будущем всемирном братстве народов, освобожденных от капитализма. *Красная Поляна* — дачное место под Харьковом, где жила семья Синяковых, у которых собирались и гостили еще до революции футуристы (Хлебников, Петровский, Асеев и др.). *Дней Носаря зажженный порох*. Имеется в виду события 1905 г. *Носарь* (Хрусталева-Носарь) — меньшевик; в 1905 г. был председателем Петербургского Совета рабочих депутатов. Впоследствии оказался политическим авантюристом, что, очевидно, осталось неизвестным Хлебникову. *Стеклянный колокол столиц*. Речь идет об архитектуре будущего. *Учебники по воздуху летели*. 15 статья «Радио будущего» Хлебников мечтает о том времени, когда по всей стране будут созданы «радиочитальни»: «На громадных теневых книгах деревень радио отпечатало сегодня повесть любимого писателя, статью о дробных степенях пространства, описание полетов — и новости соседних стран. Каждый читает, что ему любо». *Озер съедобный кипяток*. В «Предложениях» Хлебников писал: «Разводить в озерах съедобных, невидимых глазу существ, дабы каждое озеро было котлом готовых, пусть еще сырых озерных щей». *Разрушить языки*. Одной из излюбленных идей Хлебникова была идея создания единого мирового «научно построенного языка». *Он взял ряд чисел, точно палку* и т. д. Речь идет о числовых теориях и фантастических

мечтах Хлебникова о космическом перевороте. *Кокорины*— вывороченные с корнем деревья. *Балда* — большой молот, кувалда. *Киюра* — молот каменотеса. *В лони годы*— встарь, в прежние времена.

Настоящее.

Великий князь— условно-аллегорический персонаж, символизирующий старый строй. *Кмотр*— кум. *Горячее поле*— городская свалка на окраине дореволюционного Петербурга. Здесь ютилась городская беднота.

Труба Гуль-муллы.

Гуль-мулла— священник цветов.

1. *Чох пуйль! Чох шай!*(тюркск.) — Много денег! Много вещей!
2. *Саул, адам*(тюркск.) — будь здоров, человек
6. *Гурриэт-эль-Айн*(«Услава глаз») иранская поэтесса XIX в., жившая в царствование Наср-эд-дин-шаха, одна из активных участниц религиозно-освободительного движения, член секты бабидов, боровшихся за отмену феодальной собственности на землю и другие средства производства, за раскрепощение женщин. По преданию Наср-эд-дин предложил Гурриэт-эль-Айн стать его женой. Она отклонила это предложение, заявив, что презирает человека, уподобляющегося животному, имеющего 500 жен. По приказанию Наср-эд-дина Гурриэт-эль-Айн была зарыта живою, а не «сама затащила на себе концы веревок». Возможно, что так было рассказано Хлебникову, так как о Гур-риэт сложилось много легенд. *Тахирэ* — второе имя Гурриэт-эль-Айн.

7. *Шай* — мелкая алюминиевая монета (1/2 копейки).

8. *Кудри роскоши синейи* т. д. Головной убор курдов-воинов состоял из войлочной большой шапки, обматываемой цветными платками. Чем больше платков, тем выше чин. Такие же платки

обвязываются вокруг живота. *Красных яиц скорлупа*. В Гиляне красили яйца только с одного бока и всегда в малиново-красную краску (религиозный обычай).

9. *Вином запечатанным С белой головкой над черным стеклом Жены черные или*. Хлебников описывает внешний облик иранской женщины. Иранки носили «чадор» — покрывало (для горожанок оно обычно черное, закрывающее всю фигуру с макушки до пяток), на глаза надевали белое покрывало с решеточкой из ниток (мережкой) — рубандэ. Издали женщина в такой одежде походила на бутылку с белой печатью наверху.

10. *Голые шары черепов*. Имеется в виду манера иранцев выбривать лоб; некоторые пробривают лоб до макушки, так что получается искусственная лысина. *Прокаженные жены* — с точки зрения мусульманской морали — проститутки.

11. *Шире* — наркотическое средство, составленное из смеси перегара опиума или териака с гашишем.

12 13. Обе главки посвящены прогулкам Хлебникова по берегу Каспийского моря и залива Морд-Аб (Мертвая вода) около Энзели. По словам очевидца, «числясь лектором Культпросветотдела иранской революционной армии, к весне Хлебников испросил разрешение поехать в Энзели. К атому времени Хлебников продал на базаре свой сюртук, и которым он приехал в Баку. Оставшись без сюртука, без шапки, без сапог, в мешковой рубашке и таких же штанах, надетых на голое тело, он имел вид оборванца-бедняка. Однако длинные волосы, одухотворенность лица и облик человека не от мира сего привели к тому, что персы дали ему кличку «дервиш» (странствующий монах)». В письме к родным Хлебников сообщал: «Стрелял из ружья в мечущих икру судаков... Руки мои порезаны большим судаком, ого я с берега хотел удержать... Меня здесь за длинные волосы окрестили дервишем».

14. *Косматый лев, с глазами вашего знакомого* и т. д. Весь отрывок — образное описание иранского государственного герба, который часто изображается на рельефных, облитых цветной глазурью кирпичках. Этими изразцами в Иране украшается большинство домов состоятельных владельцев.

15. Здесь Хлебников описывает период с июня по август 1921 г., когда он совместно с группой революционных войск во главе с Эхсан

уллаханом (глава революционного движения в Гиляне) отправился в поход на Тегеран, через провинцию Мазендеран. Сюда (в Шахсевар) Хлебников прибыл в начале июля и поселился вместе с художником М. В. Доброковским. *Зардешт* (Зардушт) иранское произношение имени Заратустры — мифического пророка, которому предание приписывает основание религии древних народов Средней Азии, Азербайджана и Мерсии.

16. Хлебников описывает здесь сухостойное дерево, которое в пустыне заменяет чай-хане. «Пуль»-деньги.

17—18. Эти главы посвящены описанию отступления из Шахсевара. По словам очевидца, «события развернулись так, что главнокомандующий (Саад-эд-Доулэ) революционных войск, шедших на Тегеран, изменил. Наряду с изменой на фронте, Саад-эд-Доулэ в тылу разоружил работников штаба и его охрану. Утром 25 июля сторонники Саад-эд-Доулэ напали на помещение, где находилась охрана и жил Хлебников с Доброковским. К вечеру того же дня часть штаба, не перешедшая на сторону шаха, с Хлебниковым, Доброковским и др. двинулась к Рудессеру. Первый день отступления до первой ночевки Хлебников шел в ногу с другими, но наутро стал отставать... Только через день, когда отряд отдохнул в Рудессере и уже погрузился на киржимы (плоскодонные лодки) для отплытия в Энзели, в песчаных далях берега замаячила высокая фигура Хлебникова. Киржимы не отплыли... На следующее утро захваченный отступавшими пароход «Опыт» принял на борт отряд, вместе с ним Хлебникова, и доставил всех в Энзели». *Кардаш* — воин, стрелок.

Уструг Разина.

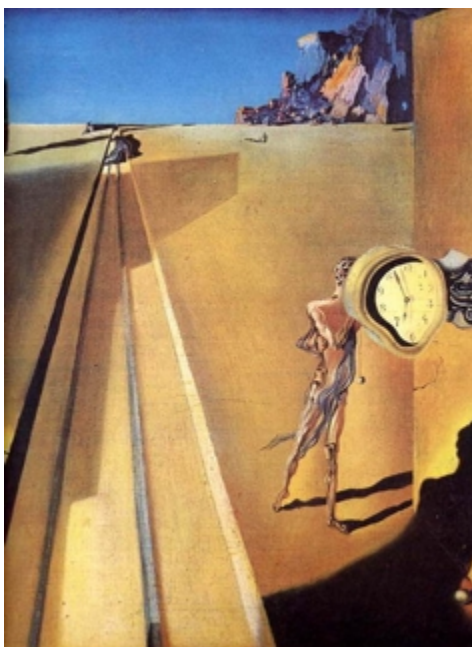
Неук — необъезженная лошадь. В конце рукописи, после подписи, приписано еще два стиха:

Льется водка и вода,
Дикий ветер этой лодки повода.

Н. Степанов

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. В. Татлин. «Матрос». Фрагмент. Стр. 10.
 2. П. Филонов. «Формула петроградского пролетариата». Фрагмент. Стр. 22.
 3. В. Хлебникова. «Ночь перед Советами». Иллюстрация. Стр. 32.
 4. П. Филонов. «Коровницы». Фрагмент. Стр. 38.
 5. А. Лентулов. «Москва». Фрагмент. Стр. 52.
 6. А. Волков. «Гранатовая чайхана». Фрагмент. Стр. 64.
 7. К. Малевич. «Скачет красная конница...». Фрагмент. Стр. 78.
 8. М. Ларионов. «Петух». Фрагмент. Стр. 88.
- Заставки и концовки: П. Митурич. Графические композиции к произведениям В. Хлебникова.
На обложке: В. Хлебников. «Автопортрет».

Велимир Хлебников (Виктор Владимирович Хлебников)
ЛАДОМИР

Поэмы

Редактор В. Романов Художественный редактор Е. Андреева
Технический редактор В. Соколова Корректор *В. Дробышева*

Тексты и примечания печатаются по изданию:

В. Хлебников. Стихотворения и поэмы.

(Библиотека поэта. Малая серия),

«Советский писатель», Ленинград, 1960.

P2

X55

4702010200– 246

X-224—85 ББК84P7

M106(03)-85 P2

© Издательство «Современник», 1985 г., составление,
оформление